

УДК 82.09–93

Е.П. Гриценко, канд. культурологии, ст. науч. сотр., 8-(48751)-76-0-59, ger@tgk.tolstoy.ru (Россия, Тульская область, Щёкинский р-н, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»)

СКАЗКА В КУЛЬТУРНО-БЫТОВОМ, ТВОРЧЕСКОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ ЖИЗНИ Л.Н. ТОЛСТОГО

Посвящена проблеме уклада жизни семьи Л. Н. Толстого в Ясной Поляне Популярной формой досуга Толстых являлось сочинительство, рассказывание и постановка сказочных историй. Пристрастие Л. Н. Толстого к этому жанру подтолкнуло его к идее использовать сказочные произведения в своей просветительской деятельности. В учебники по начальному чтению им были включены его переложения русских народных и зарубежных сказок.

Ключевые слова: устные импровизации на темы сказок, чтение сказочных произведений, сказочники в дворянских семьях, домашние постановки на сюжеты сказок, переводы и написание сказок для народной школы.

Сказка – древнейший артефакт мифологической и народной культуры – в первой половине XIX века начала активно внедряться в культурный контекст жизни российского дворянства, в его сферу досуга. Одной из наиболее популярных форм бытования этого жанра в укладе повседневности дворян становилось рассказывание сказок специально нанятыми для этой цели людьми. В России вообще умение рассказывать сказки было «широко распространённым явлением в разных социальных группах» [1. С. 65–68]. Изучение данного вопроса выявило многочисленные литературно-исторические и документальные свидетельства о стариках-сказочниках в разночинной, купеческой и дворянской среде.

Примером, говорящим о присутствии в домах дворян людей из народа, задачей которых являлось развлекать своих хозяев сказками, мы находим у писательницы XIX века Т.П. Пассек. В своей книге воспоминаний она, в частности, отмечала, что в имении её отца Тихомировке, расположенном в Рязанской губернии, жили дворовые – двенадцатилетний мальчик и четырнадцатилетняя девочка, купленные специально для рассказывания сказок домашним [2. С. 125].

Сказки рассказывались простой женщиной-крестьянкой (Балыковой Н.В.), няней Васильевной, в Спасском имении Орловской губернии сначала для матери И.С. Тургенева, В.П. Тургеневой, а затем и для её сыновей Ивана и Николая [3. С. 10]. Сказки в исполнении няни Арины Родионовны любил слушать и А.С. Пушкин.

Живой интерес к сказкам наблюдался и в семье Л.Н. Толстого. С ними будущий писатель впервые познакомился в раннем детстве, слушая в Ясной Поляне слепого сказочника Льва Степановича, который рассказывал сказочные истории ему и его бабушке П.Н. Толстой. Старик-сказитель был специально куплен ещё дедом Толстого Н. С. Волконским для того, чтобы забавлять сказками членов семьи. Присутствие крепостного рассказчика у

Волконских и Толстых следует также расценить как характерную примету повседневного уклада жизни дворянства того времени.

Имея, как все слепые, хорошую память, яснополянский сказочник после прочтения ему сказки запоминал её и затем пересказывал слушателям слово в слово. Впечатления маленького Льва от сказок в пересказе крепостного были настолько сильными, что, по словам С.Л. Толстого, старшего сына писателя, будучи уже взрослым человеком, Лев Николаевич, рассказывая о своём детстве, часто вспоминал о бабушке, любившей засыпать под сказки жившего у них тогда рассказчика.

Прослушивание писателем сказок в детские годы развивало у него интерес к произведениям этого жанра, подготавливало его к их самостоятельному чтению. Подтверждением того, что уже в детстве он самостоятельно обращался к ним, говорит сохранившееся сегодня в яснополянской библиотеке издание на французском языке «Тысячи и одной ночи» (1839) [4]. Вспоминая о чтении этой книги в пожилом возрасте, Толстой отмечал: «Мы детьми читали «Тысячу и одну ночь». Исключив чувственное, это хорошее чтение: «Мужественный тон, эпическое изложение» [5. С. 141].

О существовавшем у него в детстве внимании к сказкам свидетельствуют его ответы 25 октября 1891 г. издателю и владельцу книжного магазина в Петербурге М.М. Ледекле на вопрос относительно тех художественных произведений, которые произвели в юные годы на Толстого наиболее сильное впечатление и способствовали его нравственному и умственному развитию. В список произведений, повлиявших на него до четырнадцати лет, Л.Н. Толстой внёс «Сказки тысячи и одной ночи»: «Сорок разбойников» и «Принц Камаральзаман», охарактеризовав степень их влияние на себя, как «большое впечатление», и назвал также сказку «Чёрная курица» А.А. Погорельского и народные сказки, дав им оценку – «огромное впечатление» [6. С. 259].

Пристрастие молодого Толстого к сказкам в детстве развило в нём склонность к устному сочинительству, проявившемуся у него особенно ярко в его студенческие годы. В 1847 году в Казани 19-летний писатель в кругу своих друзей-студентов, взрослых членов семьи начальницы Родионовского института Е.Д. Загоскиной и её детей рассказывал экспромтом сочинённые им сказочки, которые те слушали с «захватывающим интересом».

В конце 1850-х годов для дочерей своей сестры М.Н. Толстой во время их совместного с Толстым пребывания за границей им сочинялись и рассказывались фантастические истории о золотом коне и гигантском дереве, с вершины, которого видны все моря и горы. В числе сказок, придуманных тогда писателем, находилась и «Сказка о том, как другая девочка Варенька скоро выросла большая» [7. С. 15–19].

О склонности Л.Н. Толстого сочинять в жизни сказки-импровизации свидетельствует его сказка «про семь огурцов», которую он сочинил в начале 1860-х годов для своего трёхлетнего шурина Вячеслава Берса. Позднее Толстой пересказывал её детям и внукам [8. С. 99–100]. Сказочная история под названием «Как Лев Николаевич рассказывал про мальчика и огурец» была напечатана в книге народного издательства «Посредник» «Нечаянно» и другие рассказы» [9]. О создании этого небольшого импровизационного сочинения писателя мы находим информацию в воспоминаниях современника Толстого А.Т. Сергеевского [10].

В них, в частности, приводится высказывание Л.Н. Толстого о роли сказки в воспитании детей. «Лев Николаевич всегда говорил, что польза не только от большого, серьёзного сочинения, но и от всякой сказки, всякой песенки, от прибаутки, если после них бывает хорошее, доброе, весёлое настроение. А от сказки об огурцах как раз такое настроение делалось», — отмечал автор мемуаров [10. С. 151].

Фактами, раскрывающими увлечённость Л.Н. Толстого составлением сказок в повседневном укладе жизни, являются придуманные им фантастические истории, приведённые в воспоминаниях С.Л. Толстого. В его мемуарах, в частности, приводится рассказ Льва Николаевича о носе, написанный под влиянием известного рассказа Н.В. Гоголе «Нос». Некий господин NN лишился носа на дуэли с турком. Собака, находившаяся недалеко от дуэлянтов, съела нос. Новый нос пострадавшему сделали из руки пьющего деревенского парня. Нос господина всегда краснел, когда тот напивался пьяным. Когда крестьянин умер от запоя, то исчез и нос у господина. И он остался жить с гладким местом на лице вместо носа [11. С. 91–93].

В сказке «Туту», услышанной С. Толстым также в детстве от отца, речь шла о трёхлетнем сыне одного колониста, который заблудился в тропическом лесу и пропал. Похитила его обезьяна. Она заботилась о ребёнке, нянчила его, кормила кокосами и бананами. Отец мальчика выследил похитительницу и, чтобы вернуть сына, выстрелил в неё. Истекая кровью, она убежала. Мальчик, сильно привязавшись к обезьяне, переживал её исчезновение. Часто плача, он называл её «Туту» [12. С. 93].

Возможно, эти наивные сказочные истории, «бродившие в голове» писателя, будили его творческую фантазию, помогали ему при составлении сказочных произведений для учебников по начальному чтению, которыми он был занят в 1860-е и 1870-е годы, что по времени относилось к периоду, когда росли дети писателя. И хотя многие сказочные сюжеты Толстого так и остались не использованными в его просветительской деятельности, они стали основой его устных рассказов для маленьких членов его семьи. Импровизированные сказки Л.Н. Толстого приобретали непосредственно практическое значение. Они наполнялись конкретным педаго-

гическим и воспитательным смыслом, поскольку предназначались автором прежде всего для воспитания собственных детей.

Примером описываемого увлечения писателя можно назвать составление им в 1892 г. сказочек для взрослых членов семьи. Тогда, в период работы Толстых на голоде в деревне Бегичёвка, в короткие моменты отдыха, свободные от забот, связанных со спасением голодающих, Лев Николаевич, желая развлечь близких, придумывал сказочки с волшебными приключениями. По свидетельству дочери литератора М.Н. Толстой, в одной из его сказочных историй речь шла о принцессе и о том, как она не могла выбрать достойного для себя жениха. Один из них, принц, был знатен и богат, но глуп; другой – умён, но небольшого роста и дурён собой, третий – статный молодец, красавец собой и умён, но он мужик.

Во многом на спонтанный характер изложения Толстым своих сказок-импровизаций влияли обстоятельства повседневной жизни семьи. По словам В.М. Величкиной, современницы Л.Н. Толстого, также находившейся с ним в тот период на голоде, однажды писатель, начав рассказывать сказку о красавице царевне, выбирающей себе жениха, был вынужден прервать свой рассказ, поскольку к Толстым кто-то приехал и нужно было заняться чем-то важным. К сожалению, сеанса с продолжением этой сказки не последовало, и она так и осталась незаконченной.

Свидетельством намерения Толстого сочинить сказку является обнаруженная ученой Э.Е. Зайденшнур в архиве исследователя К.С. Шохер-Троцкого запись начатой писателем сказки о поющем дереве [7. С. 15-19], хронологически относившаяся к 1890-м годам.

* * *

Пристрастие писателя к сказкам объяснялось во многом отношением, сложившимся у Волконских и Толстых к сочинению всевозможных историй, что просматривается в сфере образования и досуга дворянской семьи. Воспитывавшаяся в духе непрерывного интеллектуального, художественного и эстетического совершенствования мать Толстого М.Н. Толстая постоянно развивала свои литературные способности и в 1812 г. стала автором неоконченного сочинения на французском языке «Лесные близнецы. Волшебная сказка» [12.С. 166–184]. Написано оно было, вероятно, под влиянием автора волшебных сентиментальных историй французской писательницы м-м Дюран, изображавшей в них тогдашнее русское общество и очень популярной у российских читателей. Введение М.Н. Толстой в сюжет героинь, которые внешне напоминали её подруг, говорит о том, что сказка стала специфическим отражением жизни матери писателя.

В изложении содержания сказки присутствует как излишняя эмоциональность и сентиментальность, так и натурализм. Одновременное использование в описании прошедшего и настоящего времени подчёркивает

импровизационную манеру сочинительницы, проявлявшуюся также в её устных историях, которые она придумывала в повседневной жизни. Вероятно, это обстоятельство раскрывает родство двух форм сочинительства, которыми увлекалась Толстая-сказочница, и объясняет истоки её литературной деятельности

Обратившись к анализу сказочного повествования, мы обнаруживаем сочувственное отношение писательницы к людям низших сословий, к их простой и безыскусной жизни. Героями сказки являются простые девушки-молочницы, которые дружны с главной героиней повести, племянницей графа Эмилей. Выступая защитницей человека из народа, М.Н. Толстая опровергала сложившееся среди людей высшего света мнение о недопустимости дружеских взаимоотношений с представителями низов.

Стоит предположить, что появление впоследствии в сказках-переложениях Л.Н. Толстого персонажей из народной среды, присутствовавших в его книгах для начального чтения в 1860-е и в 1870-е годы, было не случайным. Скорей всего, интерес писателя к крестьянской культуре начал формироваться у него в ранние годы под влиянием матери, рассказывавшей свои сказочные истории ему и его старшим братьям. И хотя сам маленький Лев тогда, вероятно, не мог полностью осознанно воспринимать её сказки, однако идеи справедливости, равенства людей, человеколюбия, содержащиеся в них, могли быть позднее, когда он повзрослел, донесены до него людьми, знавшими М. Н. Толстую и слышавшими её сказки-импровизации.

О склонности Толстой к сочинительству в обыденной жизни отмечается в книге С.Л. Толстого «Мать и дед Л.Н. Толстого», где приводится высказывание писателя о матери, характеризующее её как «большую мастерицу» рассказывать «завлекательные сказки», которые она выдумывала по ходу своего импровизационного рассказа [13. С. 69]. Говорил о её таланте рассказчицы и биограф писателя Р. Левенфельд, отмечавший, что М.Н. Толстая на балах своими рассказами увлекала подруг. И те забывали про танцы, не отходили от неё и внимательно слушали то, что она им излагала [14. С. 22].

Умением сочинять и увлекательно представлять всевозможные фантастические истории отличался старший брат писателя Н.Н. Толстой. Наделённый от природы тонким художественным чутьём и неистощимым воображением, он, по словам Л.Н. Толстого, мог целыми часами рассказывать выдуманные им рассказы в духе английской писательницы XVIII века А. Радклиф, в сюжете которых обязательно присутствовали таинственность и приключения.

Используя в своих сказочных повествованиях подобные художественные подходы, Николай Толстой захватывал внимание своих слушателей, и они, поддаваясь обаянию маленького рассказчика, верили в правди-

вость его историй, забывая, что это выдумка. Особенным духовным и нравственным содержанием выделялась сочинённая Николенькой фантастическая история о зелёной палочке, которая способна всех людей сделать счастливыми. Тогда же старшим братом писателя были сложены сказочные рассказы о муравьиных братьях, соединённых любовью, и в этом же стиле им были выдуманы рассказы о Фанфароновой горе, на которой происходят чудеса.

Возможно, свои истории одиннадцатилетний Николай сочинил под влиянием прочитанного и услышанного от взрослых о масонах. Их идеи о необходимости сделать всех людей счастливыми, таинственность обряда приёма в орден, а также рассказы старших о Моравских (богемских) братьях, проповедовавших собственное учение о справедливости, призывавшее вернуться к идеалам первого века Христианства, захватили в детстве живое воображение Николая. Всё это он соединил в единое сказочное повествование, в легенду о зелёной палочке, рассказывавшей о любви к людям и доброте, которую Л.Н. Толстой полюбил на всю жизнь.

Привлекательность выдуманной сказки дополнялась игрой маленьких Толстых в «муравьиных братьев», ставшей характерной формой детского театра в Ясной Поляне. Используя одежду и окружающие предметы, самодеятельные актёры создавали импровизированные декорации, делая более достоверным то, что придумывал сказочник. Но главное – для участников театрализованного сказочного действия был дух единения и любви, возникавший между ними, о чём писатель вспоминал, будучи уже пожилым человеком.

Продолжал реализовывать свои способности сочинителя-сказочника Н. Н. Толстой и в молодые годы, рассказывая свои «импровизированные сказочки» в домашних спектаклях в кругу родных и знакомых. Вспоминая о посещении Николаем Толстым в Москве в конце 1850-х годов Берсов (семьи будущей жены писателя) Т.А. Кузминская, сестра С.А. Толстой, писала: «Этот замечательный по своему уму и скромности человек оставил во мне лучшие воспоминания детства. <...> Бывало, усядется он с ногами в угол дивана, а мы, дети, вокруг него и начнёт длинную сказку или же сочинит что-либо для представления, раздаст нам роли и сам играет с нами» [15. С. 66].

Пристрастие у брата Толстого к этому жанру выразилось в желании ставить «живые картины» на фантастические сюжеты и целые спектакли на придуманные им самим сказки, а также разыгрывать сказочные произведения известных писателей-сказочников. В.В. Нагорнова, племянница Н.Н. и Л.Н. Толстых, в частности, вспоминала, как нередко её дядя Николай «заставлял» племянников «представлять» в лицах сказки Г.Х. Андерсена [15. С. 502]. Горячая дружеская привязанность, существовавшая меж-

ду Н.Н. Толстым и И.С. Тургеневым в 1850-е годы, сделала их участниками общих с Толстыми самодеятельных спектаклей на темы сказок.

В 1860-е годы участницей домашних сказочных постановок-импровизаций в семье являлась и сестра Л.Н. Толстого, М.Н. Толстая, также обладавшая способностью сочинять сказки и рассказывать их среди родных и знакомых. В жизни она часто придумывала необыкновенные истории о фантастических «птицах-зефиротах». По словам рассказчицы, сказочные существа (не то птицы, не то дельфины), прилетая на землю, приносили с собой всевозможные бедствия [16. С. 101]. Во многом талант сказочницы развился у сестры писателя под влиянием её крёстной матери Марии Герасимовны, старой монахини, жившей когда-то у Толстых и рассказывавшей своей крестнице придуманные ею истории о сказочных птицах-животных. М.Н. Толстая, в свою очередь, пересказывая эти сказочки, добавляла в них что-то от себя, импровизировала.

Л.Н. Толстой в шутку за её талант сказительницы всевозможных историй о птицах стал называть сестру и племянниц, приезжавших к нему в гости, «зефиротами». Примечательно, что сказочный сюжет о чудо-птицах вошёл и в домашний спектакль «Нигилист», поставленный в Ясной Поляне в 1866 году. По сюжету постановки, богомолка рассказывает о своём странствии и о сне, в котором «мать-игуменья» превращается в птицу, чтобы победить своего врага [16. С. 101]. Становится очевидным то, как реалии яснополянской действительности в виде сказочных рассказов, семейных легенд, проникали в текст самодеятельного спектакля, становясь специфическим отражением повседневной жизни семьи Толстых того периода.

Рассказывались сказки у Толстых и во время новогодних и рождественских костюмированных представлений. В канву фамильного дворянского веселья входило участие вместе с членами семьи и знакомыми переодетых в маскарадные костюмы людей из народа. В их числе находились и жившие у Толстых карлики, выполнявшие всевозможные хозяйственные поручения. Так, в начале 1860-х годов в Ясной Поляне жил карлик по имени Мурзик, которого однажды для маскарада нарядили царём. Веселя публику, он пел, плясал и рассказывал сказки [16. С. 98].

Любовь к сказке была свойственна и жене писателя, писавшей сценарии для домашних кукольных постановок на темы сказок и ставившей эти спектакли для своих и деревенских детей. К примеру, в 1871 г. в своей неизданной книге «Моя жизнь» С.А. Толстая пишет, как она с племянницей Л.Н. Толстого Варей (В.В. Нагорновой) сочинила сказку, героями которой являлись заблудившиеся в лесу дети, звери, карлики и великаны [16. С. 187].

Интерес к сказке, проявившийся у Л. Н. Толстого в повседневной жизни, подтолкнул его к идее использовать сказочные произведения в своей просветительской деятельности в 1859–1862 гг., что было связано с его работой в организованной им яснополянской народной школе. По словам бывшего ученика Н.И. Власова, для того чтобы развлечь учащихся, студент, помогавший тогда помещику-просветителю в занятиях с крестьянскими детьми, во время перемен наряду с подвижными играми, рисованием смешных рисунков, пением песенок рассказывал ребятам всевозможные сказочные истории [17. С. 137].

Примером, свидетельствующим о привлечении яснополянских учеников к сказочной литературе, являлось чтение Толстым на уроке написанной им сказки про Ивана-дурака. Вероятно, тогда целью её прочтения во многом было желание учителя проверить на учащихся содержательность, доступность произведения и возможную реакцию на него слушателей. Интересно, что после прослушивания сказки Л.Н. Толстой получил от детей ряд замечаний, характеризующих быт сельского жителя, которые он учёл и внес в свой текст. Так, стремясь к правдивости в изображении реальной жизни, к примеру, слово «колодка», приспособление, которое крепилось к сохе, Толстой заменил словом «приголовок», распространённым в разговорной речи у яснополянцев [18. С. 225].

«Сказка об Иване-дураке», создававшаяся Л.Н. Толстым для учеников народной школы, получила своё литературное воплощение. Она вышла в свет в феврале 1887 г. и уже в том же году была арестована Московским цензурным комитетом, а в октябре её запретили к перепечатке Главным управлением по делам печати. Запрещение повторялось в 1892, 1893 годы. Только в 1906 г. сказка получила право свободного печатания. Её напечатали в 1937 году в 25-м томе 90-томного издания сочинений Л.Н. Толстого, но уже под названием «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях Семёнове и Тарасе-Брюхане и его сестре Меланье, и о старом дьяволе и трёх чертенятах» [19. С. 115].

О поддержке Толстым подходов, связанных с использованием сказок в образовательных учреждениях для народа, говорит выход книги А.А. Эрленвейна «Народные сказки, собранные сельскими учителями Тульской губернии в 1862–1863 гг.». Её составитель работал учителем в Ясной Поляне и в народной школе в Головеньках Крапивенского уезда, также открытой писателем в это время. В предисловии книги, в частности, отмечалось, что сказки собраны в пяти деревнях Крапивенского уезда Тульской губернии и что все они записывались учителем и самими ребятами. Идея создания подобного издания и его печатание с одобрением были восприняты Л.Н. Толстым.

Особое значение просветителем придавалось сказкам в процессе обучения чтению, что связано с выпуском «Книжек для чтения», выходявших в 1859–1861 годы как приложение к его педагогическому журналу «Ясная Поляна». Анализ содержания сказочных произведений, которые печатались в виде адаптированных переложений, показало, что Толстой пользовался как русскими, так и зарубежными сказками. Всего в 12 книжках вышло 17 народных сказок-переделок.

Материалом для них становились народные сказки в его пересказе – русские, которым он отдавал предпочтение, а также сказки европейских и восточных народов. Особую художественную ценность для Л. Н. Толстого в тот период приобретал фольклор Востока, в частности его сказки. Главными их достоинствами писатель считал содержание, доступность и искренность изложения. В числе восточных сказок, включённых им в книги для чтения, находились «Дуняша и сорок разбойников», «Неправедный суд» и «Палец-неведимка», написанные Толстым по мотивам арабских сказок «Тысячи и одной ночи».

Большая работа Толстым-редактором проводилась в отношении сказки «Неправедный суд». Его редактирование включало изменение заглавия сказки, замену имени богатого купца Андрея Петром. По всему тексту слово «горшок» было заменено словом «кадушка». Кроме того, писатель стремился к улучшению стиля, разъяснению отдельных слов, непонятных детям выражений. Герои сказки обращают на себя внимание сметливостью, изобретательностью, ловкостью. Язык произведения характеризуется простотой, динамичностью, народностью и близостью к жанру повествования, что проявляется и в сказке-рассказе «Робинзон», созданной по сюжету романа Д. Дэфо.

В состав книжек для начального чтения также вошла сказка «Фёдор и Василий». В её основу легло содержание французской сказочной повести неизвестного автора. Герой сказки Фёдор-монах при столкновении со злом (чёртом) одерживает моральную победу, освобождается от страсти к деньгам и остаётся в монастыре. Главная мысль сказки – избавление от соблазнов, самоусовершенствование. В её содержании нашли отражение фаталистические взгляды писателя. Сказка заканчивается справедливой расплатой с жадным царём, который умирает от того самого копья, которым он в пылу гнева смертельно ранил монаха-Василия.

Обращает на себя внимание тот факт, что, предлагая маленькому читателю сказку, Толстой сам выступал в качестве её автора. Адаптируя сказочные повествования и при этом, не меняя их сюжет, он вносил столько поправок и добавлений в текст оригинала, что подчас получалось совершенно новое произведение. В роли сказочника Л.Н. Толстой проявил себя в правке немецкой сказки «Ореховая палочка и три сестры» [20], которая вошла в приложение мартовской книжки педагогического журнала (1860).

Её сюжет довольно распространён в сказочной литературе и имеет своё воплощение, к примеру, в русской сказке «Аленький цветочек». Фабула произведения повествования такова: граф (князь), путешествуя, встречает медведя, орла и рыбу-чудовище и каждый раз спасает себя обещанием отдать в жёны одну из трёх своих дочерей. Чудовища оказываются заколдованными людьми. От колдовства их освобождает брат трёх сестёр, и всё кончается счастливыми свадьбами.

Стремясь к тому, чтобы сказка была понятна русским крестьянским детям и чтобы они читали ее с интересом, Толстой несколько изменил её содержание. Так, в подлинном тексте два раза повторялся рассказ о том, что произошло с дочерьми князя (об этом рассказывают жена князя и он сам). В результате утрачивалась та таинственность, с какой исчезали дочери князя. Л.Н. Толстой, исключив целую страницу, заменил рассказ о трагических обстоятельствах одной фразой, в которой заключены слова героя о том, что он встретился с чудовищами, и они пообещали взять замуж его дочерей. Убрал Толстой и подробности женитьбы чудовищ на сестрах. Усиление интриги достигается благодаря энергичной манере изложения, показу внезапности ситуации, в которой оказываются герои.

Помимо фантастических историй в книги для чтения, выдержанные в духе сказок, Толстой включил изложение исторических событий (Крымской кампании и войны 1812 г.) и географических тем. Художественное восприятие истории и географии в форме сказки, по его мнению, должно было усиливать в детях интерес к этим вопросам.

В книгах для начального чтения «Азбука» (1872) и «Новая азбука» (1875) Толстой вновь отвёл главенствующее место русским народным сказкам. Они являлись переработкой сказок, взятых из сборников А.Н. Афанасьева, Киршы Данилова. Сказки носили очевидную социальную направленность, в них была широко представлена жизнь русского народа, его лучшие черты: сметливость, трудолюбие, выносливость.

Художественные составляющие жанра сказки – образность, поэтичность, аллегория, элементы фантастики – позволяли Толстому учитывать возрастные, социальные и психологические особенности детей из народа, и особенно это помогало писателю в раскрытии тех морально-этических и духовных воззрений, которые содержались в его сказочных произведениях. В результате сказки для этой группы читателей помимо литературной ценности наполнялись дополнительным, и прежде всего гуманистическим, воспитательным, просветительским, смыслом.

Так, в сказке «Царь и рубашка» в 4-й кн. «Азбуки» писатель нарисовал картину экономического неравенства, имеющего место в жизни. И хотя вывод сказки дан в духе учения Л. Н. Толстого – бедственное положение или счастье человека не зависят от внешних обстоятельств, она за-

ставляет читателя задуматься над тяжёлой жизнью народа в России, над тем, счастлив ли человек, не имеющий даже рубашки.

Критикуя современную действительность Толстой, как известно, не являлся сторонником революционного пути развития. Братство, самоусовершенствование – это единственный для человека путь в жизни, в которой «худое и доброе – всё от Бога» [21. С. 222], – утверждает писатель в сказке «Царский сын и его товарищи». В сказках Л. Н. Толстого отсутствует сатирическое изображение помещиков, но в то же время показано моральное превосходство народа над ними. В сказке «Как мужик гусей делил» крестьянин-бедняк превосходит по уму счастливого барина, а в сказке «Царский сын и его товарищи» трудолюбивый предприимчивый мужик противопоставляется царевичу и купцу.

Как и прежде, Толстой старался познакомить детей с литературой других народов, помещая в учебниках сказки братьев Grimm, Перро, Гофмана, Андерсена. Переработка писателем зарубежных сказок по-прежнему сводилась к приспособлению их к русской действительности, к сокращению их содержания, к введению новых деталей, эпизодов, замене одних слов другими, близкими и доступными для детского понимания. Примером этому является сказка, созданная на сюжет датской сказки «Новое платье короля» Г.Х. Андерсена. Впервые она была переведена Л.Н. Толстым в январе 1857 года и прочитана им у В. П. Боткина.

Переработанная Толстым сказка вышла под названием «Царское новое платье». Её содержание сжато, язык доступен детям. Из повествования исключена терминология королевского быта (парады, сановники, камергеры, совет, камзол, мантия, шлейф, балдахин), поскольку читателю из народа эти слова были не понятны.

В сказке Толстого рассказывается о дворце русского царя и русской горнице. Вместо ткачей, работающих на станках, Л.Н. Толстой изобразил портных. В его переработке сказка Андерсена теряет иронию по отношению к царю и придворным, в ней в большей степени выражается морализующая тенденция. Вместо маленького ребёнка, сказавшего правду о том, что король голый, Толстой-сказочник вводит в сюжет дурачка. Вторая редакция этой же сказки относится к 1907 г. Она предназначалась для «Детского круга чтения» и была ближе к первоисточнику. Как и у Андерсена, слова правды в ней произносит ребёнок, не испорченный окружающей средой.

Обращение художника к сказке Г.Х. Андерсена «Новое платье короля» было связано с его размышлениями о принципах изображения правды в искусстве, разоблачением мнимого величия и оценкой важнейших социальных явлений. В своей дневниковой записи от 10 марта 1910 года Л. Н. Толстой, истолковывая идейное значение сказочного повествования, отмечал «Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг

увидел несправедливость своего положения. Это сказка о царе в новом платье. Ребёнок, который сказал то, что царь голый, была революция. Появилось сознание претерпеваемой им неправды, и народ разнообразно относится к этой неправде» [22. С. 24].

В период работы над «Азбукой» (1871–1872 гг.) в процессе подготовки сказок для включения в учебник Толстой привлекал своих близких, которые перевели ему ряд иностранных сказок. Французская сказка «Волк, коза и козлёнок» и немецкая сказка «Еж и заяц» были переведены женой писателя [23. С. 606]. Свояченица Толстого Е.А. Берс перевела сказку Андерсена «Девочка со спичками» [24. С. 51]. В.В. Нагорнова, племянница Л.Н. Толстого, подготовила перевод с французского индийской сказки «Мышь и девочка». Вероятно, текстом для перевода послужила сказка, взятая из сборника басен и сказок Бидпая [25], хранящегося и сегодня в личной библиотеке писателя в Ясной Поляне.

В учебнике по начальному чтению 1872 года Толстой помещал по-прежнему материалы познавательного характера, написанные в жанре сказки. К ним относятся рассказы «Волга и Возуза», «Шат и Дон», созданные на основе народных преданий. Элементы сказочности, к примеру одушевление предметов, по мнению Л.Н. Толстого, облегчало усвоение детьми этнографических сведений. Использование художественных особенностей сказки также просматривается в повествованиях философского характера, помещённых в «Новую Азбуку». Идеи писателя о смысле жизни разбираются в былинно-сказке «Лозина», где описывается живая реалистическая картина жизни дерева. Компоненты сказки встречаются в рассказах Толстого «Старый тополь», «Черёмуха».

Склонность писателя к сказочному жанру проявилась и появившемся у Толстого в 1880–1890-е годы в замысле написать сказку, напоминающую по сюжету сказку М.Е. Салтыкова-Щедрина «О царе и его глупых советниках» [7. С. 17].

Сочинением сказок Толстой-писатель продолжал заниматься и в последний год своей жизни. Находясь 23 августа 1910 года в Кочетах, он рассказал выдуманную им сказку о бедных и богатых детях внучке Танечке Сухотиной и сыну зятя М.С. Сухотина Мише. Устное повествование писателя получило литературное оформление. В 1911 г. в издании посмертных произведений Л. Н. Толстого сказка появилась под заглавием «Рассказ для детей». В 1930 г. она вышла в XV томе полного собрания художественных произведений писателя под названием «Сказочка для детей».

Дневниковые записи писателя, его записные книжки последних месяцев жизни свидетельствуют, что по сюжету сказки, рассказанной им в Кочетах, он задумал серию сказочных рассказов (очерков) под общим заглавием «Всем равно». Определяя главную идею будущей серии, Толстой

писал: «В «Всем равно» изображать характеры как крестьян, так и богачей» [26. С. 209]. Социальный смысл нового замысла должен был выразиться в противопоставлении жизни бедного угнетённого народа и праздной, сытой жизни представителей правящих классов. В записи, предшествующей сказке, Толстой отмечал: «Всем равно. Плохо, коли богатым не стыдно, а бедным завидно. Хорошо тогда, когда богатым стыдно, а бедным не завидно» [26. С. 96, 207].

В течение жизни Толстой не раз обращался к мудрости сказок. Высказываясь, к примеру, о русском фольклоре и народных сказках, Толстой в письме к Н.Н. Страхову 22 марта 1872 г. писал: «Песни, сказки, былины, всё простое будут читать, пока будет русский язык» [27. С. 141]. Чтение «Тысячи и одной ночи» он рекомендовал А. Фету в письме к нему [28. С. 497] 31 августа 1879 г. Впечатлениями о чтении арабских сказок 5 июля 1894 г. Толстой делился с В.Ф. Лазурским, учителем своих сыновей, отмечая, что «он очень любит и ценит сказки и что молодым людям обязательно их следует читать» [29. С. 460].

Отзыв Толстого о сказке содержался также в воспоминаниях Г.А. Русанова, его близкого знакомого, члена Харьковского окружного суда. В мемуарах современника писателя, к примеру, отмечалось, что во время его встречи с Л.Н. Толстым 2 апреля 1894 г. «разговор коснулся «Тысячи и одной ночи» и писатель их очень хвалил» [30. С. 181].

В своём рассуждении о браке 13 октября 1899 г. Толстой вновь ссылаясь на «Тысячу и одну ночь» [31. С. 229–230]. Образами арабских сказок он пользовался в статье «Рабство нашего времени» (1900 г. гл. XIV), иллюстрируя способы порабощения рабочих правящими классами.

* * *

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что как Л.Н. Толстой, так и члены его семьи в своей повседневной жизни постоянно обращались к сказке. Пристрастие Толстых к этому литературному и бытовому феномену проявлялось в форме чтения сказочных произведений, прослушивания сказок в исполнении специально приглашённых людей, в составлении собственных сказочных историй, в устройстве самодеятельных постановок на темы сказок. Присутствие сказки в сфере досуга дворянской семьи способствовало развитию у писателя интереса к сказочным сюжетам и произведениям и подтолкнуло его к мысли использовать их в просветительской деятельности. Это направление в деятельности Толстого было связано с переводом и редактированием сказок для учебников по начальному чтению в народной школе, с написанием собственных работ в этом стиле. Таким образом, сказка – многообразное культурное и историческое явление – нашла отражение в повседневной жизни писателя, в его творчестве и общественной деятельности.

Список литературы

1. Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965.
2. Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1963.
3. Тимрот А.Д. Тургеневские встречи. Страницы московской жизни И.С. Тургенева. М.: Московский рабочий. 1970.
4. Conte et fable indiennes de Bidpai // Mille et un jour. Paris, 1839.
5. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. 1928–1855. Материалы к биографии. М.: Наука, 1954.
6. Письмо Л.Н. Толстого к М.М. Ледерле к 25 октября 1891. // Л.Н. Толстой о литературе. Статьи. Письма. Дневники. М.: Художественная литература, 1955.
7. Зайденшнур Э.Е. Из неопубликованного // Новый мир, 1978. № 8.
8. Сафонова О.Ю. Род Берсов в России. М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999.
9. «Нечаянно» и другие рассказы. М.: Посредник, 1912.
10. Сергеенко А.Т. Рассказы о Л. Н. Толстом. Из воспоминаний. М.: Советский писатель, 1978.
11. Толстой С.Л. Очерки былого. М.: Художественная литература, 1959.
12. Заборова Р.Б. Архив М. Н. Толстой (Новые материалы) // Яснополянский сборник (1910–1960). Тула: Приок. книж. изд-во, 1960.
13. Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого. Очерки жизни, дневники и письма. М.: Федерация, 1928.
14. Левенфельд Р. Граф Л. Н. Толстой его жизнь, произведения и мирозерцание. М.: Изд-во. Б.М. Вольфа, 1886.
15. Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. М.: Изд-во «Правда», 1916.
16. Толстая С. А. Машинопись. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Неизданные записки. Моя жизнь (1863–1876). Ч. II.
17. Власов Н.И. Воспоминания яснополянских крестьян о Л.Н. Толстом. Тула: Тул. книж. изд-во, 1960.
18. Зябров Е. Т. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Воспоминания яснополянских крестьян о Л.Н. Толстом.
19. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 25. М.: Художественная литература, 1937.

20. «Der Zauberwald und die drei Schwestern» был взят Л.Н. Толстым, вероятно, из сборника «Mausäus Volksmärchen der Deutschen» (Leipzig, 1942).
21. Толстой Л.Н. Царский сын и его товарищи // Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 21. М.: Художественная литература, 1957.
22. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 58. М.: Художественная литература, 1934.
23. La Fontaine. J. Fable de la Fontaine. Paris [?], [17–?]. 2 t // Библиотека Л.Н. Толстого. Библиографическое описание III. Книги на иностранных языках. Ч. I. А–Л. Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 1999.
24. Сафонова О.Ю. Род Берсов в России. М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999.
25. Conte et fable indiennes de Bidpai // Mille et un jour. Paris, 1839.
26. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 58. М.; Л., 1934.
27. Гусев Н. Н. . Лев Николаевич Толстой. 1928–1855. Материалы к биографии. М.: Наука, 1954.
28. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 62. М.: Художественная литература, 1953. С. 497.
29. Литературное наследство. М.: Академия наук СССР, 1939. № 37–38.
30. Русанов А. Г. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Воронеж: Воронеж. изд-во, 1937.
31. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 53. М.: Художественная литература, 1937.

E.P. Gritscenko

THE FAIRY TALE IN CULTURAL, CREATIVE AND SOCIAL CONTEXT OF LEO TOLSTOY LIFE

Reading faire tales, listening to them performed by narrators, writing fairy tale stories, arranging home performances with fairy tale plots were typical of Leo Tolstoy and his family and indicated the Tolstoy's attitude to the genre. Faire tale in leisure-time of a noble family contributed to the development of the interest to faire tale plots and stimulated Leo Tolstoy to use in educational activities.

Key words: wisdom of fairy, verbal improvisation, narrator, home performance.

Получено 12.04.2012